

Хуанфу Юйхуа покачал головой. Несмотря на то что раны ещё не зажили, его спина была прямой, как никогда раньше:

— Неважно, уйдёшь ты или останешься, моё решение не изменится. Я больше не хочу лгать. Факты есть факты, и даже если Школа Небесного Свода больше не будет считаться уважаемой школой, я не хочу скрывать и лгать. Я не хочу, чтобы кто-то жил, как мои родители.

Как родители, как мы. Вэй Ли поднял глаза и посмотрел прямо на своего сводного брата, единственного, кто проявил к нему простую доброту в темнице. Он уже давно чувствовал, что его сердце тянулось к таким местам, как Школа Небесного Свода, и, возможно, это стремление изначально возникло из-за простой доброты Хуанфу Юйхуа. Вэй Ли машинально потер пальцы, хотя они были сухими, ему казалось, что они всё ещё покрыты липкой кровью.

Такой, как я, не способен создать что-то чистое и полное жизни. Вэй Ли повернулся, оставив за собой лишь печальный силуэт. А за Хуанфу Юйхуа, который молча следовал за ним, немая девушка направилась к Вэй Ли.

— ... Старшая сестра! — Хуанфу Юйхуа всё же окликнул её, хотя почти никогда с ней не разговаривал.

Немая девушка обернулась, но он лишь открыл рот, не зная, что сказать.

Пожелать ей заботиться о себе? Пожелать ей заботиться о брате? Напомнить, что здесь есть дом, который может принять их и хочет принять их? Хуанфу Юйхуа не мог произнести ни одного из этих слов. Для каждого из них эти слова казались слишком пустыми, но немая девушка, должно быть, поняла его, поняла те ожидания и беспокойства, которые он не высказал.

Не что-то тяжёлое, а просто забота младшего брата о старшей сестре, забота брата о брате.

Немая девушка улыбнулась Хуанфу Юйхуа — это была первая улыбка за весь фильм, свободная от тревог, снявшая всю сложную напряжённость, искренняя улыбка. Затем она поклонилась новому главе школы, повернулась и пошла вслед за Вэй Ли.

На площадке было установлено пять камер: три для крупных планов, а две другие — одна снимала общий план троих, а другая следила за уходящими фигурами Вэй Ли и немой девушки. Восходящее солнце раздвинуло облака, постепенно окрашивая горизонт в тёплые тона. Гора, слишком долго пропитанная кровью и ложью, наконец обрела новую, свежую жизнь.

Взгляд Цюй Хайяо всё ещё следовал за удаляющимися Вэй Ли и немой девушкой. Его плечи слегка дрожали, и даже голос Вэнь Цзисюня, кричащего [Снято!], казалось, доносился из другого мира. Сотрудники аплодировали, а на другом конце площадки Жун И и Сюй Таояо, закончив сцену, возвращались. Только тогда Цюй Хайяо очнулся и увидел окружающих его коллег, которые улыбались и шутили.

После этой сцены все съёмки Цюй Хайяо в фильме «Без сердца и без меча» были завершены. Небывалое чувство благодарности поднялось в его сердце, как волна, после слов Вэнь Цзисюня [Снято!]. От кинопроб до завершения съёмок прошло меньше трёх месяцев, но эти взлёты и падения, неожиданные повороты стали более захватывающими, чем весь его предыдущий актёрский опыт.

Цянь Гоцзюнь, игравший Хуанфу Дуаня, ещё не снял грим, его лицо было покрыто красным и

белым, когда он подошёл и с энтузиазмом похлопал Цюй Хайяо по плечу:

— Поздравляю с завершением съёмок!

Цюй Хайяо почувствовал, как его глаза наполнились теплом.

Актёры и сотрудники окружили его, обнимая и поздравляя. Цюй Хайяо благодарил каждого, но его затуманенный взгляд упал на Жун И, который стоял в незаметном месте. Его лицо, покрытое гримом, было спокойным, но взгляд — глубоким. Цюй Хайяо, встретившись с этим взглядом, почувствовал, как его сердце, и без того переполненное эмоциями, забило ещё сильнее. Он глубоко вдохнул, почувствовав, что его смелость внезапно возросла до небес.

Он подошёл к Жун И и обнял его:

— Спасибо, брат...

Голос Цюй Хайяо слегка дрожал. Раньше, когда он благодарил других, в его голосе была лишь наигранная жалобность, но сейчас, обращаясь к Жун И, он чувствовал, как его благодарность росла в геометрической прогрессии, заполняя всё его тело. Они познакомились не так давно, но, казалось, прожили целую жизнь вместе. После скандала с слухами у Цюй Хайяо и Жун И даже не было возможности, или они намеренно избегали серьёзного разговора. Слухи вокруг Жун И всегда появлялись, но с такой жёсткостью он реагировал только на Лоу Юнжуя и Цюй Хайяо. Цюй Хайяо прекрасно понимал, что Жун И был так суров именно ради него.

Жун И помогал ему слишком много, и Цюй Хайяо не знал, как отблагодарить его. Он чувствовал тревогу, но также понимал, что даже эта тревога была оскорблением для Жун И.

Жун И обнял Цюй Хайяо в ответ, лишь крепко сжав его на мгновение, а затем перешёл к успокаивающим похлопываниям по плечу. Казалось, он избегал близости, но на самом деле Жун И просто презирал такие условности.

— Запомни, когда я сказал «жду с нетерпением», это было не просто словами.

Его низкий голос прозвучал прямо у уха Цюй Хайяо, и, хотя он говорил негромко, Цюй Хайяо вздрогнул всем телом.

Он понял, о чём говорит Жун И. Это было о том вечере в «Фэндан Жуйя», когда Цюй Хайяо, пьяный, брякнул о «Великом императоре кинематографа с восемью статуэтками», а потом Жун И бесконечно подшучивал над этим. Цюй Хайяо инстинктивно хотел отстраниться, чтобы посмотреть на выражение лица Жун И, но тот удержал его, прижав к себе:

— Не бойся, продолжай стараться. Ты неплох.

Цюй Хайяо почувствовал, будто находится внутри огромного колокола, который глухо ударил, заставив его содрогнуться снаружи и изнутри, заполнив его голову гулом. Он не мог описать это чувство. Жун И просто похвалил его, но это было впервые, когда Жун И прямо и без обиняков выразил ему своё одобрение.

Нос сразу же запершил. Цюй Хайяо почувствовал ком в горле и не мог произнести ни слова. Он не понимал, почему одна похвала Жун И оказала на него такое сильное влияние. Кажется, почувствовав его состояние, Жун И отпустил его, посмотрел на его искажённое, жалкое лицо и рассмеялся:

— Что случилось?

Цюй Хайяо шмыгнул носом. Его разум, всё ещё гудящий, не мог подобрать подходящих слов, чтобы ответить Жун И, и он лишь с лёгким носовым оттенком произнёс:

— Брат, ты такой хороший.

Жун И, получивший неожиданный комплимент, не выразил удивления. Он лишь усмехнулся, а затем, подумав, слегка щёлкнул Цюй Хайяо по голове:

— Старайся.

Цюй Хайяо почувствовал себя так, будто впервые оказался на подвесной системе — он был готов взлететь.

Инь Нань сидел в президентском номере отеля. Несмотря на то что он уже давно тщательно вымылся, его бледная кожа всё ещё слегка блестела от пота.

Он нервничал. Чем ближе был момент, тем меньше он был уверен, правильно ли сделал этот шаг. Этот отель вообще не был его местом проживания, не говоря уже об этом номере. Узнав, что Лю Цзяжэнь, как и он, приехал сюда работать, Инь Нань вдруг подумал об одной догадке и идее. Он потратил немало времени, чтобы договориться, чтобы отель пропустил его как любовника постояльца, и теперь ждал, когда Лю Цзяжэнь вернётся, чтобы «осчастливить» его.

Время шло, Инь Нань постоянно смотрел на телефон, чувствуя, что каждая минута тянется как вечность. Когда дверь номера наконец открылась, он одновременно вздохнул с облегчением и почувствовал, как сердце подскочило к горлу.

Лю Цзяжэнь, увидев незваного гостя, лишь на секунду замер, а затем на его лице появилась холодная ярость. Он знал Инь Наня, но именно поэтому не мог понять и принять, как этот человек оказался в его номере. Он уже хотел позвать кого-то, но Инь Нань поспешно подбежал к нему и тихим, мягким, но полным отчаяния голосом произнёс:

— Господин Лю, могу я попросить вас уделить мне немного времени? Мне нужно сказать вам одну вещь.

<http://bllate.org/book/16304/1470862>